

Татьяна Ларина

КВАРТИРА №16

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л25

Ларина Т.

Л25 Квартира №16. Часть первая / Т. Ларина. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 452 с.

Ее жизнь была подчинена строгим правилам. Втайне мечтая о свободе, Алиса не верила, что когда-нибудь сможет по-настоящему почувствовать ее вкус.

Все изменилось, когда в квартиру напротив переехал загадочный незнакомец. Вопреки запретам родителей Алиса начала общаться с новым соседом, открывая для себя запретный мир, наполненный чувствами, эмоциями и переживаниями. Но она не догадывалась, что квартира, в которой поселился молодой человек, хранит страшную тайну, которая повлияет и на их судьбы.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91527-9

© Татьяна Ларина, текст, 2021
© Hinovel, обложка, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Глава 1

Встреча

Последние августовские выходные обычно бывают наполнены ностальгией по уходящему лету. Пусть днем еще жарко, но вечер своей прохладой напоминает о приближении осени. Природа готовится к долгому летаргическому сну, сбрасывая первые пожухлые тополиные листья, и даже солнце светит как-то по-другому — устало и обреченно. Во дворах шумят дети, вернувшиеся из лагерей, с дач или от бабушек. Они стараются за последние пару дней нагнать все то, что не успели летом — нагуляться, набегаться, наговориться. У подземного перехода толпятся старушки, наперебой предлагая втридорога свои гладиолусы: «Бери, дочка, в магазине дороже!» А если ты школьник, к тому же выпускник, крайние выходные лета имеют особое значение, ведь это последние дни детства, за которыми потянутся учебные будни, экзамены и взрослая жизнь. Хочется остановить время и пустить его вспять, чтобы снова и снова наслаждаться прекрасной летней свободой и чувствовать вкус беззаботности. У меня же не было и сотой доли этих чувств...

Мы с мамой больше часа плелись в пробке на подъезде к Москве, не только нам пришла в голову мысль вернуться в город раньше в преддверии первого сентября. Солнце нещадно палило, и даже мощный кондиционер не спасал от странного флегматичного состояния, которое возникает в знойную погоду. Я смотрела в окно, болея за старенький форд в соседнем ря-

ду, так отчаянно пытающийся объехать пробку по обочине, но постоянно терпящий фиаско от фиата, едущего по правилам и из принципа не пропускающего нарушителя ПДД в свой ряд. Если бы не этот затор, мы давно приехали бы домой, о чем ежеминутно напоминала мама, считая, что этим можно что-то изменить. А мне было все равно, разве что хотелось поскорее выбраться из автомобиля, пронизанного мерзким химическим освежителем. Я с детства страдаю от укачивания, и этот запах только сильнее испытывал мой вестибулярный аппарат, но мама ничего не хотела слышать.

— Алиса, надень немедленно обувь! Не хватает еще, чтобы ты ехала с грязными ступнями. Вечно тянет что-нибудь учудить, — недовольно сказала женщина, бросив взгляд на мои босые ноги.

— Хорошо, мама, — я натянула дачные чешки и снова отвернулась к окну.

— Что из тебя получится? Когда же за ум возьмешься? — досадливо проговорила она и тут же забыла про свое недовольство, как только увидела, что затор немного рассосался.

Каждый раз, когда маме что-то не нравилось, она качала головой и, всплеснув руками, задавала риторический вопрос, из серии произойдет ли чудо, чтобы ее дочь наконец стала человеком. А я все семнадцать лет своей жизни искренне не понимала, что должна делать, чтобы ей угодить.

У родителей я появилась поздно. Всю молодость мама и папа трудились, не покладая рук, чтобы обеспечить себе и будущим детям место под солнцем, а когда это место появилось, времени на то, чтобы родить ребенка оказалось не так много. Маме удалось забеременеть в тридцать семь, когда папе уже перевалило за сорок. Как часто бывает у зрелых родителей, единственную дочь окружили такой опекой, что не оставили никакой возможности на самостоятельность. С раннего детства за меня решали все: что надеть, чем питаться, куда ходить и на что смотреть. И если отец мог изредка поинте-

ресоваться моими вкусами, то мать на корню пресекала всякое вольнодумство.

У меня не спрашивали, хочу ли я играть на скрипке, когда в четыре года привели первого преподавателя. Не интересовались, нравится ли выступать на публике, когда в шесть купили пышное платье, в котором я играла Брамса перед папиными коллегами. В тот вечер я дико нервничала, потому что мама всегда делала замечания моей игре, и я не знала, как сыграть так, чтобы важные гости отца остались довольными. Как ни странно, никто из суровых усатых мужчин и их тучных спутниц не отругал меня. Напротив, я слышала только похвалу, чему радовалась, как настоящий шестилетний ребенок, быть которым мне запрещалось. Только вечером мама сказала, что я вела себя неподобающе: бегала, как дворовая девчонка, а не сидела смирно на стульчике, как истинная дочь своего отца.

Мама всегда гордилась тем, что ее супруг — профессор известного Московского вуза, человек уважаемый и респектабельный, забыв о том, что и он когда-то был бедным молодым доцентом. Также она не помнила, что сама не всегда была партнером в известном адвокатском бюро, а начинала преподавателем права в обычной средней школе. Но какая разница, что было в прошлом, когда в настоящем Елисеевы — известные в важных кругах люди. И их единственная дочь обязана им соответствовать.

Моя жизнь всегда была подчинена строгим правилам, установленным родителями. Другого я не знала или просто не умела. Мой день всегда был строго расписан. В детстве за его распорядком следила няня, которая занималась мной с шести месяцев, когда мама вышла из декрета. Приятная пожилая Нина Ивановна как огня боялась моих родителей, поэтому никогда не нарушала их указаний, даже если я умоляла ее не отводить меня на скрипку.

— Нет, Алисочка, как же мы пропустим занятия? Что я скажу Элеоноре Викторовне и Павлу Васильевичу вечером? — причитала няня.

— Нина Ивановна, ну пожалуйста... — канючила восьмилетняя я, — пойдёмте гулять в парк, как вчера?

— Вчера был выходной, а сегодня — нет. Ты же не хочешь, чтобы меня уволили?

Это был победный аргумент. Я очень боялась, что Нину Ивановну уволят, ведь она была самым близким мне человеком. Даже бабушку и дедушку я не любила так, как ее. Это случилось, когда мне исполнилось тринадцать. Родители посчитали, что я достаточно взрослая, чтобы самой добираться до школы и музыкального класса. Репетиторы, которых мне наняли по всем основным предметам, несмотря на то, что я была круглой отличницей, приходили на дом.

Я перестала горевать по Нине Ивановне через пару месяцев после ее увольнения, потому что только так смогла вкусить запретный плод — свободу. Конечно, она была относительной. Мой распорядок дня не изменился, правила не стали мягче, а за их соблюдением все также строго следили и мама, и папа, но у меня появились бесценные два с половиной часа, когда я шла от дома до школы, из школы в музыкальный класс и снова домой. Все это время я была предоставлена себе и могла делать что-то такое, о чем не узнали бы родители. Нет, я не курила, не пробовала алкоголь и не встречалась с мальчиками. В некотором смысле, мне удавалось совершать преступления пострашнее: зайти в книжный магазин и купить на сэкономленные от школьных обедов деньги книгу легкомысленного содержания. Вся домашняя библиотека и обязательный для прочтения список проходили строгую родительскую цензуру, поэтому мне приходилось проявлять смекалку, чтобы пронести домой томик подростковой литературы.

Книги открывали мне другой мир, наполненный чувствами, эмоциями и переживаниями. Любовь, дружба, вражда... Я безумно хотела пережить нечто подобное в реальности, но не могла, сидя в четырех стенах. С каждым годом во мне росло желание попробовать на вкус свободу, но я безумно боялась ослушаться родителей. К сожалению, мне было не с кем даже обсу-

дить свои запретные желания. За все школьные годы у меня не появилось ни одного настоящего друга.

Я хорошо общалась с одноклассниками, но, если в начальных классах почти все общение происходило в школе на переменах, в старших — ребята ходили гулять, собирались в кафе, ездили на экскурсии, я стала синим чулком. Мне запрещалось празднично проводить время, только пару раз отец с матерью отпустили меня в театр и музей. А я безумно завидовала своим одноклассникам, особенно на следующий день после поездки, когда все только и обсуждали курьезный случай в автобусе или веселую давку в гардеробе.

Еще больше от ребят я отделилась в десятом классе, когда главными темами разговоров у девочек были косметика, причёски, платья, а мальчики стали засматриваться на девочек. Я не была дурнушкой, но в отличие от ухоженных одноклассниц с модными стрижками, в коротких школьных платьях и на каблуках, выглядела совсем неприметно. Каждое утро, в обязательном порядке, я заплетала копну своих рыжих волос в тугую косу, полностью убирая волосы назад, открывая веснушчатое лицо; надевала привычную темно-синюю школьную форму со строгой юбкой до колен или ниже, если холодно; ботинки на плоской подошве или совершенно лишенные намека на женственность сапоги. Родители не терпели яркой одежды, как и обуви на каблуках, а я мечтала почувствовать себя девушкой... При таком раскладе любой нормальный человек решил бы, что я странная. Именно так и думали мои одноклассники, и даже то, что я всегда давала списывать и помогала на каждой контрольной, не помогало наладить общение.

— Алиса, я оставляю тебе деньги, завтра сама купишь букет Нелли Федоровне, — сказала мама, выворачивая на нашу улицу.

— Хорошо. Розы, как обычно?

— Да, но только смотри, чтобы были свежими. В том году спустила пять тысяч на веник.

Возможно, будь на моем месте кто-нибудь другой, слова мамы могли бы задеть, но я уже привыкла к постоянным замечаниям. Завтра я пойду в цветочный магазин в торговом центре, выберу дюжину роз только-только распустившихся, но все равно услышу от родителей, что могла бы отобрать лучшие цветы. Но несмотря на излишнюю строгость, чопорность и холодность, родители меня любят, пусть со стороны и незаметно, но я это всегда чувствовала.

— Почти приехали. Я боялась, что не успеем к ужину, — мама слегка улыбнулась, но тут же нахмурилась. — Это еще что такое?

Я посмотрела вперед и увидела во дворе дома перед нашим подъездом потрепанную газель, откуда несколько крепких восточных мужчин доставали диван. Мы жили внутри бульварного кольца, в просторной трехкомнатной квартире сталинского дома. Наше жилье было еще одним поводом для гордости родителей, ведь позволить такие хоромы смогли не сразу, и переехали сюда только пять лет назад. Наш дом считался образцово-показательным на улице и в первую очередь благодаря соседям, потому что строился специально для заселения инженерами, профессорами и госслужащими, состоявшими на хорошем счету у партийной верхушки. Практически все жильцы были людьми обеспеченными, поэтому старая газель и сомнительного вида грузчики совершенно не вписывались в общую картину.

— Мне кажется, кто-то переезжает, — озвучила я мысль, которую мама явно не хотела признавать.

— Переезжает? Подобным образом? Дорогая, мне кажется, что этот грузовичок ошибся адресом. И ты только посмотри на этот диван! Это же клопный дом!

Тем временем, двое мужчин крепко взялись за несчастную мебель и стали вносить диван в подъезд. Им придерживал дверь какой-то парень, из машины мне не удалось его рассмотреть, но я предположила, что это их водитель, пока не увидела за рулем газели другого восточного мужчину.

Мама притормозила у подъезда, как делала всегда, чтобы я вышла, но в этот раз не разблокировала дверцы машины. Она внимательно рассматривала газель и тучного мужчину, что курил на водительском сиденье. Я же смотрела на парня у подъезда. Он больше не придерживал дверь, а просто стоял под козырьком, изучая доску объявлений. У меня промелькнула безумная мысль, что он никакой не рабочий, а самый что ни на есть хозяин несчастного дивана, но я быстро отогнала ее. Нет, это невозможно. Он никак не похож на будущего жильца нашего дома. На вид ему было лет восемнадцать-девятнадцать, среднего роста, довольно крепкий, с темными волосами, зачесанными на один бок, а с другого выбритыми и огромной красочной татуировкой на руке. Незнакомец был ярким примером «плохого мальчика», героя большей части моих запретных книг.

— Алиса! Ты совсем меня не слушаешь! — резкий мамин голос вернул к реальности.

— Прости, задумалась, — виновато проговорила я.

— Я сказала, что не хочу отпускать тебя одну пока здесь эти личности. Вместе заедем на парковку...

— Мам, ну чего ты боишься? Не съедят меня. Тем более, когда я хожу в школу, то по пути встречаю и не таких личностей, — выделила я последнее слово маминым тоном.

— Алиса, час от часу не легче.

— Мамочка, я домой. Меня укачало в дороге, очень хочу освежиться, может, станет легче.

— Опять это укачивание. Хорошо, иди домой, — сдалась мама и разблокировала дверцы автомобиля.

Пользуясь разрешением, я пулей выскочила из машины и, кивнув маме, пошла к подъезду, тут же оказавшись в поле зрения незнакомца. Он нагло рассматривал меня, совершенно не стесняясь, что я это замечу. Но не это заставило меня покраснеть. Его взгляд... От него становилось до невозможности обидно. Парень смотрел с такой жалостью, словно я прокажена. Я подошла к подъездной двери с единственным желанием,

поскорее войти, но только стоя под домофоном, поняла, что мои ключи остались в большой сумке в машине.

— Ключей нет? — поинтересовался незнакомец, все также внимательно наблюдая, как я роюсь в маленькой сумочке с Микки Маусом.

— Нет, — тихо ответила я, боясь поднять на него взгляд.

— Живешь тут? — доставая связку ключей и прикладывая магнитный к домофону, спросил парень.

— Да. Живу.

— Ясно. Заходи, если хочешь. Квартиру я тебе, конечно, не открою...

— Спасибо, — перебила я и проскочила в подъезд.

Я жила на четвертом этаже, но часто поднималась по лестнице. И в этот раз не изменила себе, правда, хотела идти пешком еще и потому, что нужно было успокоить барабанившее сердце. Я чувствовала, что совершила нечто преступное, заговорив с незнакомцем. Если мама или папа узнают... Но откуда? Не расскажет же им этот парень.

Квартиру мне открыл отец, он вернулся с дачи еще вчера, потому что сегодня нужно было срочно выйти на работу. Несмотря на домашний вид, футболку и спортивные штаны, папа, как всегда, был серьезным.

— Мама в гараже? Нужна моя помощь? — пропуская меня в квартиру, поинтересовался он.

— Да, папочка. Мы привезли огурцы. Донесешь сумки?

— Хорошо. Скоро вернусь.

Когда отец ушел, я решила выглянуть в окно кухни, выходящее во двор. Не знаю почему, но мне было любопытно узнать, стоит ли внизу этот парень. Он был все еще там, протягивал что-то водителю, после чего газель с шумом выехала со двора. Проводив взглядом машину, парень не спеша поплелся на детскую площадку и, устроившись на карусели, закурил. Не знаю почему, но я не сводила с него глаз, пока он не заметил меня в окне. Парень, словно почувствовав мой взгляд, посмотрел на окна, а я, испугавшись, спряталась за шторку, но снова попалась, когда спустя какое-то время выглянула проверить, не ушел ли он. Не